

DOI: 10.11649/abs.2016.006

Елена Коницкая

Вильнюсский университет

Вильнюс

Бируте Ясюнайте

Вильнюсский университет

Вильнюс

Метафоры утренней и вечерней зари в литовской и русской поэзии

Утренняя и вечерняя зари, восход и закат – яркие природные явления, всегда будившие фантазию человека. Их объединяет интенсивное сияние, разнообразие и яркость быстро меняющихся оттенков цветовой гаммы. Рассветной и закатной заре отведено важное место в метафорической системе поэзии разных народов. Основа метафор зари – прежде всего, зрительные впечатления, признаваемые важнейшими для познания окружающего мира: с опорой на визуальные впечатления мы знакомимся с физическими особенностями окружающей действительности, а, перенося их в другие сферы – эмоциональную, интеллектуальную – осознаем также абстрактные характеристики предметов, которые не даны в непосредственном чувственном восприятии (Marcinkevičienė, 1993, с. 54).

У народов, живущих в сходных природных условиях, есть много общего в базовых когнитивных метафорах атмосферных явлений, между тем как их конкретные реализации, наполнение всегда различаются. Наш опыт исследования метафор в литовской и русской поэзии на примере антропоморфных образов ветра

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2016.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławiastyki Polskiej Akademii Nauk]

(Коницкая & Ясюнайте, 2014) показывает, что различия ярче всего проявляются в области развернутых метафор. Данная статья, являясь продолжением исследования метафор двух поэтических традиций – литовской и русской, посвящена различиям и сходствам метафор зари в этих традициях.

При анализе сложных, многоуровневых поэтических образов необходимо учитывать специфику художественного текста. В когнитивной лингвистике принято считать поэтические метафоры развитием языковых (конвенциональных) метафор, то есть поэтические метафоры понимаются как периферийные варианты языковых метафор. По мнению А. Гудавичюса (Gudavičius, 2009, с. 128), языковые метафоры являются результатом первичной номинации, а поэтические – вторичной. Чем чаще используется поэтическая метафора, тем больше вероятность ее попадания в слой «мертвых» метафор. «Мертвая» метафора может получить в поэтическом языке новую жизнь: создавая нестандартные высказывания, авторы часто актуализируют привычные коллокации (Gudavičius, 2014, с. 35) и, творчески развивая выражения с переносным значением, уже не осознаваемые как метафорические, как бы вдыхают новую жизнь в конвенциональные метафоры. Чем талантливее, изобретательнее поэт, тем успешнее он выполняет миссию «оживления» привычных языковых метафор.

Метафора – сложное явление, о сущности которого уже долгое время ведутся дискуссии. Споры вызывает, в частности, проблема соотношения метафоры и сравнения. В данной статье, как и в прежних работах (Jasiūnaitė & Konickája, 2004; Коницкая & Ясюнайте, 2014), мы придерживаемся мнения, что сравнение может быть интерпретировано как элемент метафорической конструкции; иначе говоря, не метафора являет собой так называемое скрытое сравнение, а, напротив, сравнение входит в широко понимаемую сферу метафорического отражения действительности. Такой подход принят в работах по когнитивной лингвистике и успешно реализуется при анализе метафор в разных областях. По мнению российского исследователя политической метафоры А. Чудинова, язык является единым континуумом символьных единиц, поэтому «при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства [...]; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям» (Чудинов, 2001, с. 37).

Исследуя метафоры утренней и вечерней зари, мы обратились к различным по тематике текстам литовской и русской поэзии XX в., представленным в антологиях и авторских сборниках (см. список поэтов в конце статьи). Авторы характеризует индивидуальный творческий почерк, и, разумеется, «природные» метафоры встречаются в их поэзии с различной частотой. Довольно много интересующих нас образных выражений обнаружено в текстах таких литов-

ских авторов, как В. Миколайтис-Путинас, С. Нерис, К. Брадунас, Г. Радаускас, а также у русских поэтов – И. Бунина, К. Бальмонта, С. Есенина, Б. Пастернака, А. Ахматовой и др. Анализ текстов показал многообразие метафор утренней и вечерней зари, их различия и сходства, неодинаковую распространенность разных типов метафор в литовской и русской поэзии. Рассмотрим сначала некоторые различающиеся в двух поэтических традициях базовые метафоры, а затем метафоры, в реализациях которых обнаруживается сходство¹.

1. Различия между литовской и русской поэтическими системами отмечены в следующих базовых метафорах: 1) ЗАРЯ – РАСТЕНИЕ/ЦВЕТОК; 2) ЗАРЯ – ЖИВОТНОЕ/ПТИЦА/РЫБА; 3) ЗАРЯ – ЧЕЛОВЕК; 4) ЗАРЯ – МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО; 5) ЗАРЯ – ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ; 6) ЗАРЯ – ТКАНЬ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ ТКАНИ; 7) ЗАРЯ – МЕТАЛЛ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕТАЛЛА.

1.1. Метафорический арсенал литовской и русской поэзии заметно различается в вариантах биоморфной метафоры, в частности, во флористической метафоре. Если в «цветнике» литовских метафор зари «растут» *лилии, шиповник, дейция* (*Iš josios [aušros] vainiko nuskinsim leliją* Мук-Пут «Из ее [зари] венка сорвем лилию»; *Gal ten tik debesys, padangių uogienojai, žydi erškėtrožėm skaudžiai?* Brad «Может, это только облака, небесные ягодники, больно цветут шиповником?»; *Tai dangus rausvais radastais iškaišytas* Мук-Пут «это небо украшено розовой дейцией»), то среди русских метафор – *ландыши, маки, розы, глицинии, фиалки* (зарю ландышей невинных Сол; *Плещет рдяный мак заката* Есен; *Закат рассыпал розы* Ход; *Точно кисть лиловых глициний расцветает утро* Волош, *фиалки и бледное золото скованы в зори* Волош). В другой биоморфной метафоре, ЗАРЯ – ЯГОДЫ, ПЛОДЫ, также избираются разные объекты для сравнения. В литовской поэзии это обычно только красные плоды – *земляника, вишня*: *žemiogėm išsirpę pazarai* Angl «земляничкой налились отцветы [зари]», *aušra ties Nemuni kaip vyšnių uogos* Baltr «заря над Неманом как ягоды вишен»; в русской поэзии, наряду с красной *клюквой*, есть и темно-малиновая, почти черная *куманика, яблоки*, желто-оранжевые *дыни*: *Облака в куманике и клюкве* Паст; *Рассвет рукой прохлады росной Шибают яблоки зари* Есен; *с надтреснутой дыней схож закат* Гумил.

1.2. Довольно редкая зооморфная метафора также по-разному представлена в литовской и русской метафорических системах. В литовской поэзии в нее

¹ В статье не ставится задача проанализировать все базовые метафоры зари, рассматривается лишь некоторая их часть.

включаются *птицы* (*петух*, *малиновка*), *змеи* и *рыбы*: *saulėlydis liepsnuoja kaip gaidys* Miež «рассвет пылает, как петух»; *aušra lyg paukštis liepsnelė* Balb «заря, словно птица малиновка»; *Saulė rangėsi iš šilo it gyvatė prismeigta* Striel «Солнце, извиваясь, [выползает] из бора, как прибитая змея»; *aušros gyvatė* Balb «змея зари»; *garnio sarnai apie aušrą lyg didelę žvilgančią žuvį* Balb «сны цапли о заре, как о большой сияющей рыбе». В русской поэзии заря уподобляется *животным* (*корова*, *конь*, *заяц* и др.) и *птицам* (*петух*, *лебедь*): как *корова*, *хвост задрала заря* Есен; *зорька красногривенькая ускакала за-поль* Сельв; *зорька-заинька на льду* Уш; *лебедем красным плавает тихий закат* Есен; *зори – красными петухами* Сам. Можно заметить, что *петух*, традиционно считающийся провозвестником нового дня, объединяет метафорику обеих поэтических систем, тогда как набор других частных метафор неоднороден.

1.3. Антропоморфная метафора зари – редкое явление в литовской поэзии. В выявленных случаях она связана с закатом и наполнена эмоционально-ассоциативными мотивами умирания, смерти, ср. во фрагменте: *Saulėlydis ant rankų laikė sunkų karstą dangų* Nyk-Nil «Закат держал на руках тяжелый гроб неба». В русской поэзии обычна антропоморфная метафора (*УТРЕННЯЯ*) *ЗАРЯ – ДЕВУШКА, ЖЕНЩИНА*, передающая ощущение свежести, тишины, покоя зари, а также представление о рождении нового дня: *нежная девушка-зорька* Бл; *заря – богомолица* Клыч, *зорька-повитуха* Кл.

1.4. Представляющие модель *ЗАРЯ – МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО* метафорические выражения также редки в литовской поэзии. Для передачи зрительных впечатлений от окрашенных зарей в огненно-красные, золотистые или темные, мрачные цвета облаков здесь используются сравнения с *ангелами*: *Virš mūsų saulėlydžio angelai liepsnoja* Sut «Над нашим закатом сияют ангелы»; *juodas saulėlydžio angelas krenta už girios raudonio* Balb «Черный ангел заката падает за багрец пуши»; с прекрасной богиней *аушрине* (< лит. *aušra* 'заря'): *Aušrinė mazgoti pradėjo Aukso kojas aklam vandeny* Rad «Аушрине начала омыывать золотые ноги в слепой воде». В русской поэзии те же зрительные впечатления передаются сравнением с *сиреной*, *Горгоной*, *драконом*, *гарпиями*: *А нынче закат уподоблен сирене*, *Влачащейся грудью и гривою по суши* Паст; *Где исступленную Горгоною заря змееподобные раскидывает пряди* Ливш; *драконоподобные зори* Март, *багряные закаты [...] словно гарпии, крылаты* Гум. Часть этих образов объединяется, пожалуй, только указанием на летучесть, связью с воздушной стихией.

1.5. В литовских поэтических реализациях метафоры *ЗАРЯ – ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ* отмечены *перламутр*, *алмазы* (*aušrų perlamutrą* Balb «перламутр зорь»; *šviesi deimantinė aušra* Širv «светлая алмазная заря»), передающие

впечатление от сверкания, блеска облаков или росы на заре. В русской поэзии встречаются подобные литовским сравнения с жемчугом и алмазами: *Плачет нежная Заря то жемчужно, то алмазно, то в сияньях янтаря* Бальм, однако чаще заря сравнивается с самоцветами – рубином, гранатом, аметистом, янтарем, кораллом. Метафоры передают яркое сияние разных цветов рассветной и закатной зари: *заря расцветала над морем, как ясный рубин* Бел; *темным огненным гранатом окуреваетя восток* Бел; *чего в них [красках зари] больше – аметистов, рубинов, янтарей?* Бальм; [закат] *упоительно-алый, как небесный коралл* Бальм и др.

1.6. В поэзии обоих народов нередко встречаются реализации метафоры ЗАРЯ – ТКАНЬ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ ТКАНИ. Общим для обеих поэтических систем является сравнение зари со знаменами и шелком, ср.: *Vėlei aušra man vėliavot plakas* Deg «Напрасно утренняя заря мне размахивает знаменами» и *Как знамя, в небе дымно-розовая заря* Гумил; *rausvoki vakaro šilakai* Aist «розоваты шелка вечера» и *Расплещись, заря, во все шелка разливататы* Цвет. Однако эта базовая метафора отличается разнообразием реализаций в двух поэтических традициях. В литовской поэзии распространены образы ровных, часто больших по размеру изделий из полотна, напр.: завесы (*anapus užolaidos žarų* Brad «по ту сторону завесы зорь»), накидки (*Saulėtekio švintanti skraistė* Vencl «Рассветающая накидка восхода»), платка (*Rytai plėšė skliauto raudonas skaras* Žuk «Утра разрывали красные платки склона»), а шитые изделия из ткани, одежда упоминаются редко, напр.: *lyg tunika saulėlydžio auksinė* Nyk-Nil «как золотая туника заката». В русской поэзии, наряду с образами прямого, ровного изделия – ленты: *розовой лентой зари* Есен; полотенца: *полотенцем ложилась заря* Рожд; занавеса: *занавес пурпурно-огнево* Бальм; близких к ним шлейфов и мантии (*шлейфы зорь, веера закатов* Волош; в *мантии огненной Западный брат* Бальм), встречаются образы сложных шитых изделий – ризы: *в огненную ризу облеклась в степи заря* Бальм; рубахи: *Ярче розовой рубахи зори вешние горят* Есен; халата: *заря свой халат распахнула багряно* Рожд и др.

1.7. В литовской и русской поэзии распространена также метафора ЗАРЯ – МЕТАЛЛ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕТАЛЛА. Общим для обеих традиций является сравнение зари с золотом – прототипическим обозначением яркого, сверкающего желтого цвета; близко к нему сравнение с медью или бронзой, напр., в литовских текстах: *Vakaro geltonis, aukso atšvaitai* Marc «Желтизна вечера, отсветы золота»; *vakarė auksinė aušra* Balb «вечерняя золотая заря»; *Padangė liejasi variu* Rad «Небо льется медью»; в русской поэзии: *Золото звонкой зари* Наб; [Заря] *рассыпала красное золото* Бл; *небо в час заката – расплавленное золото и медь* Бальм; *медных зорь* Волош; *бронзовым закатом* Багр. Однако в русской поэзии возможна

также передача впечатления холодной, тягостной, нерадостной зари путем сравнения ее с серебром, оловом, сталью: *серебром холодной зари озаряется небосвод* Гумил; *оловянный закат* Бл; *Словно сталь из мартена по руслу заря потекла* Сам.

Метафора ЗАРЯ – ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА в литовской поэзии представлена названиями предметов из самых разных областей – оружия, крестьянской жизни, быта и др., напр.: щит: *Saulėlydis kaip graiko skydas* Striel «закат как щит грека»; меч: *pro saulėlydžio kardus* Нук-Нил «сквозь мечи заката»; коса: *pakilo kaip dalgis aušra* Марс «заря поднялась, как коса»; станок: *auksinės saulėtekio staklės* «золотой станок зари» Миеž; бокал: *iš negėstančio aušros taurės* Braz «из неугасимого бокала зари». Среди русских метафор зари также встречаются предметы из разных областей, причем этот набор не совпадает с литовским, ср.: набат (колокол): *Заря поднимала набат* Бальм; подкова: *золотой подковой над ними выгнута заря* Сам; трубы: *нежные трубы зари* Адам. Примечательно, что в русской поэзии на фоне разрозненных названий выделяется группа названий предметов христианского культа, отсутствующая в литовской: *золотой иконостас заката* Бун; *кадило зорь* Наб; *Заря, задув свои огни, тускнеет венчиком иконным* Кл; *В заревом окладе спит Архангел Дня* Кл, заря сравнивается также с венчальной короной: *венчает мир как новобрачная корона* Клыч; *в зари венце* Цвет и др.

2. Представленные выше базовые метафоры литовской и русской поэтических систем показывают значительную разницу в реализациях, то есть в конкретных образах, служащих для образования метафор. Однако есть и такие базовые метафоры, в реализации которых замечается сходство двух поэтических традиций. Три такие метафоры были проанализированы нами на материале 200 поэтических фрагментов (95 литовских и 105 русских)².

В литовской и русской метафорических системах заря сходным образом интерпретируется как: 1) огонь, пламя; 2) горящий объект (пожар, угли, костер, факел и др.); 3) жидкость: а) человеческого тела (кровь, слезы), б) природная (вода) или ееместилище (река, море и др.), форма (волна, дождь и др.); в) техническая (краски, бензин, клей и др.); г) напитки (вино, бальзам и др.).

2.1. Используемую многими поэтами метафору ЗАРЯ – ОГОНЬ можно отнести к стертым. В литовских текстах отмечено 18 ее реализаций. Часть из них близка к распространенным в разговорном языке выражениям *vakaro žara dega*

² Приведенные цифры показывают относительную распространенность той или иной метафоры в данной поэтической традиции.

«горит вечерняя заря» или *saulėtekis liepsnoja* «восход пылает», метафорический характер которых уже не ощущается, ср. поэтические фрагменты: *saulėlydžiu ugnis* Маč «огонь закатов»; *vakaro liepsnoj* Маč «в пламени вечера»; *palaimintų rytų liepsnas* Маč «огни благословенных утр»; *vakarių žarų liepsnomis* Мук-Пут «пламенем вечерних зорь»; *saulės deganti laida* Miež «горящий заход солнца»; *Žarų liepsnose vaiski saulė pakyla* Мук-Пут «Ясное солнце встает в пламени зари»; *saulėleidžio ugninio* Brad «огненного заката»; *vakaro dangus ugninis* Маč «огненное вечернее небо»; *vakaro padangiu ugnį* Brad «огонь вечернего неба».

Распространяя конвенциональные метафоры, поэты зачастую указывают на объект горения, создавая тем самым впечатление предметности зари: так, во фрагменте *Jau dega žaromis saulėleidžio kraštai* Мук-Пут «Уже горят заревом края заката» закат уподобляется горящему предмету, края которого обуглились и тлеют. Объемлющая небо пламенеющая заря может ассоциироваться со сверкающей водой, напр.: *vakarų dangus liepsnom patvino* Мук-Пут «вечернее небо затоплено огнем». Свет зари уподобляется также воде, льющейся сверху – дождю: *jo [saulėlydžio] liepsną lyjančią* Rad «его [заката] льющийся огонь».

В метафорах утренней и вечерней зари подчеркиваются характерные цвета и яркое сияние: *niraudę ugnim vakarai* Nėr «вечера покраснели огнем»; *Violetiniai saulėtekiai uždega aukštas viršūnes* Vaičiūn «Фиолетовые восходы зажигают высокие вершины»; *aušrų tebešviečia ugnim* Мук-Пут «сияет огнем зорь». Зрительный образ модифицируется в глагольных метафорах, передающих впечатление интенсивности сияния, изменчивости, исчезновения: *Galulaukės arimuose liepsnojo vakarai* Мук-Пут «Вечера пылают по краям вспаханного поля»; *viršta ugnimi saulėtekio* Brad «превращается в огонь восхода»; *užgesusių aušrų* Kėkšt «погасших зорь».

Метафора ЗАРЯ – ОГОНЬ широко распространена и в русской поэзии, причем многие из 36 выявленных авторских метафор близки к конвенциональным, напр.: *горит заря* Бун; *пылает закат* Ахм; *вечернее полымя* Есен; *полыханье рассвета* Цвет; *На соснах, как на обелисках, последний закат полыхал* Сам; *Вот и вечер – весь в огне* Бл и др. Как и в литовской поэзии, в русских развернутых метафорах может указываться объект горения: *Небо горит на рассвете* Бл; *Неба бирюзу зажгла заря* Гол; *В заре сгорели тучки вешние* Бун; *туч закатных догоранье* Анн, *И тихою зарей – верхи дерев горят* Паст и др. Небесный огонь ассоциируется с водой: *закат разлил свой пышный пламень* Бун; однако в русской поэзии он иногда сухой или легкий: *сухим огнем сверкали тучи* Бун; *зори из легчайшего огня* Ахм. Экспрессивные метафорические определения в примерах *под огнедышащим закатом* Ахм; *в пылу заката* передают яркость красок зари.

В русской поэзии заря отличается особым богатством палитры. Это и светлые, легкие тона: *востока розовый огонь* Бун; *рассвета пламень алый* Анн, и глубокие, насыщенные: *пунцовым пламенем зарделись небеса* Бел, и темные,

мрачные: *небо сожжено червонно-дымною зарею* Ахм; *Рассвет горит багряно* Бун. Сравнивая горящее зарей небо с адом, Б. Пастернак использует необычный для зари эпитет – *каряя*³: *адский пламень карих зорь*; этот эпитет встречается в описании зари и у других авторов, напр.: *Уснули во мхах глухари до тундровой карей зари* Кл. В цвете зари русские поэты видят болезненный румянец: *Заря небес болезненно горит* Забол, а в изменчивости цвета и формы облаков закатного неба – узоры: *пламени вечернего узоры* Анн. Глагольные метафоры передают различную интенсивность, скорость протекания, фазы природного явления: *заря полыхнула* Луг; *тлеет медленно закат* Волош; *Заря пылала и тухла, обуглившись по краям* Кедр; *Догорел закат за речкой* Ход; *Заря пылала, догорая* Цвет, *Никогда заря не сгорала – чище* Цвет.

2.2. С метафорой ЗАРЯ – ОГОНЬ семантически тесно связана метафора ЗАРЯ – ГОРЯЩИЙ ОБЪЕКТ (*костер, жертвенник, фонарь* и т. д.). В литовских текстах обнаружено 24 представляющих ее фрагмента. Наиболее распространенное сравнение зари с *пожаром* выявлено у 7 авторов: *dangaus gaisrai* Sant «пожары неба»; *saulėlydžio gaisre* Mozūr «в пожаре заката»; *plazdanti vakaro gaisrą* Brad «пляшущий пожар неба»; *aušrose dar liepsnojo gaisrai* Мук-Пут «в зорях еще пламенеют костры»; *Saulėleidis ten vakaruos gaisru apstulpęs* Nēr «Закат там по вечерам окружен пожаром»; *Aukso pušys išsimaudė saulės pasakų gaisruos* Nēr «Золотые сосны искупались в пожарах солнечных сказок» (здесь мы видим ассоциацию с водной стихией, ср. выше); *rudens saulėleidžių raudono gaisro* Šlait «красного пожара осенних закатов»; *saulėlydis virš Prūsijos lyg paskutinis gaisras* Ged «закат над Пруссией как последний пожар»; *Tekėjo saulė. Jos gaisrų pašvaistės kaskart liepsnojo vis plačiau* Маč «Всходило солнце. Зарево его пожаров разгоралось все сильнее». Заря часто интерпретируется и как *костер*, напр.: *vakaras aukštą laužą kūrena* Марс «вечер разжигает высокий костер»; *vakaras kaip laužas dega* Aist «вечер горит как костер»; *Gęsta padangės mėlynėje raudonas ugniakuras* Kub «Гаснет в синеве неба красный костер». Встречается образ *пылающих углей*: *Aušra žarijom pasipylė* Rutk «Заря брызнула горящими углями»; *Ji [aušra] dega žėrinčią žariją* Rad «Она [заря] горит пылающими углями»; *Mano delnai pripilti šviesos stebuklingų žarijų* Brad «Мои ладони полны светом волшебных углей». Угли, угольки могут быть не только в костре, но и в курительной трубке: *lyg žarija pateka saulė milžiniškoje miško pypkėje* Balb «словно уголек восходит солнце

³ В современном русском языке прилагательное *карий* выступает в связанном употреблении в сочетании *карие глаза*. Однако в фольклорных текстах оно может указывать на масть коня: *Конь карий – кровь не канет* (заговор на остановку кровотечения) (Аникин, 1998, с. 256). Использование прилагательного *карий* как эпитета *зари*, по-видимому, поддерживается метафорой ЗАРЯ – ЖИВОТНОЕ (КОНЫ), см. выше.

в великанской трубке леса». Гаснущая зоря может уподобляться также догоревшим предметам, пожарищу: *saulėtekių degėsius Kėkšt* «пожарище восходов». Редким в этой группе является сравнение зари с жертвенным огнем: *Padangių aukure skaidriai užsiliepsnoja palaimintoji darbo pabaiga* Brad «На жертвеннике поднебесья чисто разгорается благословенное завершение работы», ср. также *Viršum aukuro žėruojančios aušros* Brad «Над жертвенником пылающей зари». Для передачи тех же зрительных впечатлений зоря метафорически связывается с предназначенными для освещения предметами – факелом: *Jau žiebias ryto švintančio deglai* Vencl «Уже загораются факелы рассветающего утра»; фонарем: *žarų žibintai* Мук-Put «фонари зорь»; подсвечником: *žvakidėj saulėlydžio* Balb «в подсвечнике заката».

Разворачивая метафору ЗАРЯ – УГЛИ, авторы используют фольклорные мотивы, как, например, неоромантик Й. Айстис: *Tarytum laužo žarijas būt žarstę rūščiais veidais susėdę milžinai* «Словно сгребают угли костра усевшиеся вместе великаны с суровыми лицами». Характерная для литовской и славянских этнических культур метафора ОБЛАКО – МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО уже обсуждалась ранее (Коницкая & Ясюнайте, 2009, с. 516). Здесь она возникает благодаря зрительному впечатлению от формы, размеров, вечернего освещения кучевых облаков. Далее в тексте говорится о смерти королевы-солнца⁴: *Palei skaisčiosios karalaitės saulės karstą, kur jau žarijos blėsta, grindžias pelenais* «У гроба пречистой королевы-солнца, где уже догорают угли, подернутые пеплом». Такая развернутая метафора может быть интерпретирована и как реализация метафоры ЗАКАТ – ПОХОРОНЫ.

Русские авторские реализации метафоры ЗАРЯ – ГОРЯЩИЙ ОБЪЕКТ показывают несомненное сходство поэтических систем двух народов. В 18 русских фрагментах представлены те же образы пожара: *Заря как пожар на снегу* Есен; *тучи жарким горят пожаром* Бун; *девственный пожар январского огня* Забол; *даль объята пожаром солнца сумасшедшего* Паст; костра: *Лежал закат костром багровым* Ахм; *зари костер* Клыч; углей: *золотые закатные угли уходящее солнце разбросит* Бальм; факела: *Бьют факелы завтрашних зорь* Анток и др. Сходство обнаруживается даже в сравнении закатных туч с великанами, сидящими у костра: *В небе духи жгли костер – грозовые исполины* Бальм. Есть, однако, и оригинальные образы, напр., не отмеченное в литовском материале сравнение с горнилом (кузнечной печью): *к горнилу зорь* Бальм.

Используя национальные фольклорные традиции, поэты создают оригинальные авторские конструкции. Так, И. Бунин сравнивает яркие краски заката с сиянием перьев волшебной Жар-птицы, сидящей в гнезде: *Костром*

⁴ В литовском языке существительное *saulė* ‘солнце’ женского рода.

в далеком перелеске гнездо Жар-Птицы занялось. Суть этой метафоры помогает понять последовательность элементов: *гнездо Жар-птицы* → *костер* → *закат*, ср. (Москвин, 2012, с. 147).

Авторы творчески развивают базовую метафору, используя антропоморфные образы: *заря вздувает уголья Уш*; *Там ночь, шатаясь на корню, целует уголь поутру* Паст.; прибегая к неожиданным сравнениям зари, напр., с углями инквизиции: *И словно уголь тайных инквизиций – студеная заря Багр*; или с раскаленным углем в руках кузнеца: *Как уголь в пальцы кузнеца с шипеньем впившийся поток зари без края и конца* Паст. Отмечено также пересечение с метафорой ЗАРЯ – ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА: *Сквозь огненные жерла тесных туч багровые мечи солнце заходящее простерло* Волош.

2.3. Общей для литовской и русской поэтических систем является базовая метафора ЗАРЯ – ЖИДКОСТЬ, которая разбивается, как отмечалось выше, на четыре группы.

2.3.а. Первую группу образуют выражения, в которых заря ассоциируется с жидкостями человеческого тела – кровью, слезами. Метафора ЗАРЯ – КРОВЬ, 14 случаев которой отмечено в литовских текстах, основана на цветовом впечатлении – алая заря напоминает пролитую кровь, окрашивающую небо, элементы пейзажа: *vakarai krauju rausta* Мук-Put «вечера краснеют кровью»; *Saulėlydis nudažė snieguotąsias kalnų viršūnes kruvinai* Маč «Закат кроваво окрасил снежные вершины гор»; *Į tylą sunkiasi saulėtekis – kaip kraujas į sterilią vatą* Miež «Закат сочится в тишину – как кровь в стерильную вату».

Небо в переносных выражениях этой группы часто метафорически понимается как раненое, истекающее кровью тело (*Visa vakarų padangė krauju pasruvo* Balt «Все вечернее небо залито кровью»; *padangė iš ryto krauju pasruvus* Miež «небо с утра залито кровью»; *Dangus varvėjo krauju* Žuk «Небо капало кровью»), как поле с оставленными на нем следами или ярко цветущими растениями (*horizonte pėdsakai kraujuoti* Mont «на горизонте кровавые следы»; *Ir padangė vakaruose tuo krauju pražydo* Nėr «И небо по вечерам расцвело кровью»). Интенсивность красок зари подчеркивается упоминанием водоемов: *Padange upė kraujo nutvino ligi ryto pakraščiu* Brad «В небе река крови поднялась паводком до краев утра»; *saulėlydis kaip kraujo klanas plauko* Miež «закат плывет как лужа крови». Мотив *кровавой реки* встречается и в народном творчестве, напр.: *Upelė tekėjo raudonu kraujeliu* (LKŽ, VI, с. 461) «Речка текла красной кровушкой», ср. также фразеологизм *upės krauju eina* «гибнет много людей» (досл. «реки текут кровью»).

Кровь ассоциируется с израненностью, болью, смертью. При помощи развернутых метафор литовские авторы рисуют картины смерти дня, солнца – источника жизни: *Ir visą vakarą krauju užpylė, ir numirė diena* Rad «И весь вечер

залило кровью, и умер день»; *kraujuos paplūdusi tarytum sužeista iš lėto mirė saulė* Маš «залитое кровью, словно раненое, медленно умерло солнце». Эти образы интерпретируются и как реализации метафоры ЗАКАТ – СМЕРТЬ. Мотив отчаянной боли ощутим в развернутой метафоре *saulė vakarinė – kaip gerklė, krauju paplūdusi nuo begarsio šauksmo* Марс «вечернее солнце – как горло, залитое кровью от беззвучного крика». В поэзии модернистски настроенных авторов базовая метафора приобретает новое звучание: *automobiliu sutraiškiau vakar saulėlydį* Rukš «я раздавил вчера закат автомобилем». Развитием метафоры ЗАКАТ – КРОВЬ является редкая в литовской поэзии метафора ЗАКАТ – РАНА, ср. в текстах А. Балтакиса: *lyg žaizda saulėlydis vis plinta* «как рана ширится закат».

В литовской поэзии обнаружено одно сравнение заката со слезой, где передается не барочная пышность заката, а его прозрачность, эфемерность: *Vina tokie skaudūs saulėlydžiai kartais, kaip ašara skaidrūs, jautrūs kaip styga* Aist «бывают порой такие горькие закаты, чистые как слеза, чуткие как струна».

В русских текстах зафиксировано 20 метафор группы ЗАРЯ – КРОВЬ, напр.: *закат в крови* Бл; *закат алеет нежной кровью* Бальм; *над кровью зари* Луг; *чистой, целомудренной кровью зари* Лип; *И брызнет кровь лучей с заката* Волош. Заметно сходство русской и литовской метафорики в подчеркивании текучести зари, уподобленной крови: *на кровь, что в зеркальные соли текла* Бун; *Закат алеет, словно желоб, полный кровью* Март. Известен русской поэзии и образ следов крови: *кровавый след зари* Бун. Однако в русской поэзии весьма распространено сравнение зари с жертвенной кровью, не обнаруженное нами в литовской поэзии: *свет закатности есть жертвенная кровь* Бальм; *облитой кровью темной закланных вечеров* Волош; ср. также более сложный образ в поэзии Э. Багрицкого: *И поздняя заря на алтарях лесов сжигает темный нард и брызжет алой кровью*. Отмечено также пересечение базовых метафор: ЗАРЯ – КРОВЬ и ЗАРЯ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕТАЛЛА: *вечерней зари окровавленный нож* Луг; или ЗАРЯ – КРОВЬ и ЗАРЯ – ИЗДЕЛИЕ ИЗ ТКАНИ: *заря [...] разостлала кровавый платок* Бл.

Специфика русской метафорики зари проявляется в частотности модели ЗАРЯ – КРОВАВАЯ РАНА, напр.: *рдеют закаты, как раны* Бун; *заря, как кровавая рана* Берг; *заря причудливые ранки дымилась, упавая ниц* Заб; *И в кровоподтеках заря, как след незаживших царапин* Паст. В русских текстах не выявлено распространенного в литовской поэзии мотива смерти, кроме отдаленной ассоциации в поэзии А. Ахматовой, где алеющее небо уподобляется конкретному военно-историческому событию (битве при Цусиме), точнее – окрашенной кровью погибших моряков морской пене: *И облака сквозили кровавой цусимской пеной, как после битвы*.

В русской поэзии обнаружен один пример: *Заря из сада обдавала стекла кровавыми слезами сентября* Паст, – где базовая метафора ЗАРЯ – КРОВЬ пере-

секается с метафорой ЗАРЯ – СЛЕЗЫ: льющий на заре дождь ассоциируется с кровавыми слезами, вызванными глубоким переживанием (ср. фразеологизм *плакать кровавыми слезами* «переживать, сильно грустить»).

2.3.6. Базовую метафору ЗАРЯ – ВОДА иллюстрирует 13 литовских фрагментов. В них заря метафоризируется как *река*: *didžiulė saulėlydžių upė* Deg «огромная река закатов»; *Ten, kur ima aušti rubininės upės* Rad «Там, где начинаются рассветать рубиновые реки»; *ozeperu: neturiu saulėlydžio ežerų* Ged «у меня нет озер заката»; *струя*: *oranžinės saulėlydžio srovės* Rad «оранжевой струи заката»; *волна*: *Į šviesos atplaukiančias bangas* Brad «В приплывающие волны света»; *пузыри*: *raudonais saulėlydžio purslais* Miež «красными пузырями заката» и под. В глагольных метафорах этой группы, как правило, передается впечатление широты, безбрежности зари: *Rytuos jau tvenkėsi aušra* Marc «По утрам уже половодилась заря»; *aušra išsiliejo plačiai* Marc «широко разлилась заря»; *Saulėleidį, akies slėny ištvinusį* Nyk-Nil «Затопивший долину глаз закат»; *Drėgnų langų stiklu saulėtekis varvės* Bern «Восход потечет, пузырясь, по стеклу влажных окон».

В русских поэтических текстах отмечено 8 метафорических выражений, в которых заря уподобляется *реке*: *Алой рекой – лиясь, [...] в небе заря взялась* Цвет; *озеру*: *Разлит закат озерами огней* Волош; *мору*: *разлилась, как море, заря* Адам; *В морях зари чернеет кровь богов* Волош; *разливу*: *разлив зари вечерней отходит на отлив* Бальм; *волне*: *весенние волны зари* Бел. Яркие модификации модели представлены в глагольных метафорах, напр.: *капустные грядки красной водой поливает* восход Есен; *Пролился, наконец, закат, разбрызгав огненные пятна* Лип.

Надо заметить, что в поэзии обоих народов с жидкостью ассоциируется также лунный свет, напр.: *tėnulinio ežerai* Rad «озера луны»; *неуютная жидкая лунность* Есен. То, что лунный свет в литовской метафорической системе понимается как жидкость, заметила Р. Казлаускайте (Kazlauskaitė, 2009, с. 364). О связи света и жидкости в русской поэтической метафорике пишет О. Заикина (2004, с. 21). Наш материал подтверждает, что в обеих поэтических системах метафоры ЗАРЯ – ЖИДКОСТЬ и ЛУННЫЙ СВЕТ – ЖИДКОСТЬ входят в более общую концептуальную метафору СВЕТ – ЖИДКОСТЬ.

2.3.в. Утренняя и вечерняя заря предстают в поэзии также как технические жидкости разного назначения. В литовской поэзии, где обнаружено 8 примеров, это, как правило, *краски*, с помощью которых поэты передают меняющиеся оттенки закатного и рассветного неба – от неяркого, пастельно-розового, до интенсивно пылающего, напр.: *vakarės žarės stebuklingų spalvų ir dažų* Myk-Put «волшебные цвета и краски вечерней зари»; *saulė papylė liepsnotus dažus* Myk-Put «солнце полило пламенеющие краски»; *Ir saulėlydžio varsa ryški naują pasaką tums rašo* Nėg «И яркая краска заката нам новую сказку пишет»; *iš saulėlydžio oro dažų* Miež «из воздушных красок заката». Косметические краски находим

в примере: *Tik veidelius dažųčiausi rytmetine žara* Марс «Только красил бы личики утренней зарей». Более общий характер носит сравнение с раствором: *saulėtekio raudoną skiedinį Miež* «красный раствор восхода».

В русской поэзии в этой группе разнообразия больше: в 12 примерах обнаружены краски, в том числе позолота, и косметика: и краски алого заката румянят мраморный дворец Гумил; закат гранатовый разлил багрец Волош, Жидкой позолотой закат обрызгал серые поля Есен; зари морозной позолота Бун; здесь из зорь творят румяна Цвет; у зари он [небосвод] занял рано и белила, и румяна, и лазурности притом Бальм. Есть также клей: И зари вишневым клей застывает в виде сгустка Паст; нефть, бензин: как нефть разлившейся зари Паст; Бензином растежся закат Паст.

2.3.г. В поэзии обоих народов зоря может изредка ассоциироваться с принимаемой внутрь жидкостью, в основном, с напитками. В 3 примерах из литовской поэзии это бальзам: *Aušra iliejo balzamo auksinèn taurèn Sant* «Зоря влила бальзам в золотой бокал»; вино: *Vakaras pastatė ir pripylė rausvo vyno klevui į bokalą Rad* «Вечер поставил и налил розового вина клену в бокал»; *Žemèn teka kraujas ir vupas Rad* «На землю текут кровь и вино». В 9 фрагментах из русской поэзии зоря сравнивается с вином, напр.: опять золотое вино на склоне небес потухает Бел, закат разбрызган, как вино Рожд; соком: Красный сок раскрывшейся зари Наб; Зоря разливает компотный сок Багр; рассолом: необычайно свеж рассол настоянных на росах зорь Сам; медом: медом осенней зари Сам; маслом: плавает зоря как масло Забол; рыбьим жиром: зоря [...] отливает рыбьим жиром и мгlistой дымкой янтаря Паст. Иногда напиток называется глагольными метафорами, напр., во фрагменте *Позволь зоря в стакан мой выдавить* Наб зоря уподобляется плоду, сок которого можно выжать и выпить. Общей в этой группе русской и литовской поэтических систем является метафора ЗАРЯ – ВИНО; другие развернутые метафоры более самобытны и глубоко индивидуальны.

Рассмотренные базовые метафоры утренней и вечерней зари в литовских и русских поэтических текстах демонстрируют специфичность каждой национальной метафорической системы; при сравнении их обнаруживаются как общие черты, так и различия. Метафоры зари в обеих поэтических системах основаны на зрительных впечатлениях цвета, свечения, а также мимолетности природного явления или его масштабности, однако в литовской традиции цветочные ассоциации более сдержанны, зачастую связываются с грустью, печалью, тогда как в русской поэзии они более разнообразны, чаще связаны с положительными эмоциями. Различия в реализациях базовых метафор могут быть весьма значительными, вплоть до полного несовпадения (ср. биоморфные, флористические метафоры); сходства в таких случаях могут проявляться на уровне

общепринятой символики. Однако, несмотря на довольно значительное число совпадений частных метафор, реализующих общие базовые модели, различие между поэтическими традициями двух народов сохраняется: развитие выражений в обеих системах осуществляется на базе традиционных фольклорных представлений или же с опорой на специфические культурно-исторические обстоятельства (ср. «православные», «кровавые» метафоры в русской поэзии).

Сокращения фамилий цитируемых авторов

Aist – Йонас Айстис	Адам – Георгий Адамович
Angl – Стасис Англицкис	Анн – Иннокентий Анненский
Balb – Алис Балберюс	Ахм – Анна Ахматова
Balt – Альгимантас Балтакис	Багр – Эдуард Багрицкий
Baltr – Юргис Балтрушайтис	Бальм – Константин Бальмонт
Bern – Альбинас Бернотас	Бел – Андрей Белый
Brad – Казис Брадунас	Берг – Ольга Берггольц
Ged – Сигитас Гяда	Бл – Александр Блок
Deg – Янина Дягутите	Бун – Иван Бунин
Kėkšt – Юозас Кекштас	Волош – Максимилиан Волошин
Kub – Костас Кубилинскас	Гол – Георгий Голохвастов
Mač – Витаутас Мачернис	Гумил – Николай Гумилев
Marc – Юстинас Марцинкявичюс	Есен – Сергей Есенин
Miež – Эдуардас Межелайтис	Заб – Николай Заболоцкий
Muk-Put – Винцас Миколайтис-Путинас	Кед – Дмитрий Кедрин
Mont – Витаутас Монтвила	Кл – Николай Клюев
Mozūr – Владас Мозурионас	Клыч – Сергей Клычков
Nėr – Саломея Нерис	Ливш – Бенедикт Лившиц
Nyk-Nil – Альфонсас Ника-Нилюнас	Лип – Семен Липкин
Rad – Генрикас Радаускас	Луг – Владимир Луговской
Rukš – Балис Рукша	Март – Леонид Мартынов
Rutk – Бенедиктас Руткаускас	Наб – Владимир Набоков
Sant – Стасис Сантварас	Паст – Борис Пастернак
Striel – Йонас Стрелкунас	Рожд – Всеволод Рождественский
Širv – Повилас Ширвис	Сам – Давид Самойлов
Šlait – Владас Шлайтас	Сельв – Илья Сельвинский
Vaičiūn – Юдита Вайчюнайте	Сол – Федор Сологуб
Vencł – Антанас Венцлова	Уш – Федор Ушаков
Žuk – Альбинас Жукаускас	Ход – Владислав Ходасевич
	Цвет – Марина Цветаева

Bibliography

- Basanavičius, J. (Ed.). (1993–1998). *Lietuviškos pasakos įvairios* [LB] (Vols. 1–4). Vilnius: Vaga.
- Gudavičius, A. (2009). *Etnolingvistika (Tauta kalboje)*. Šiauliai: ŠU leidykla.
- Gudavičius, A. (2014). Ištakos srities raiška metaforiniuose pasakymuose. *Filologija*, 19, 33–47.
- Jasiūnaitė, B., & Konickaja, J. (2004). „Atlėkė paukštis be sparnų“ (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas). *Kalbotyra*, 52(1), 45–60.
- Kazlauskaitė, R. (2009). Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje. *Baltistica*, 44(2), 355–377.
- Krupas, J. et al. (Eds.). (1962). *Lietuvių kalbos žodynas* [LKŽ]. (Vol. VI). Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. [Online version (2005): www.lkz.lt].
- Marcinkevičienė, R. (1993). Apie įbūtinančią kalbos galią, pyktį ir dar šį tą. *Naujasis židinys*, 6, 51–56.
- Аникин, В. П. (Ed.). (1998). *Русские заговоры и заклинания*. Москва: Изд-во Московского университета.
- Заикина, О. Н. (2004). *Параметры комплексного анализа семантической категории (на примере средств обозначения света в русском языке)*. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Волгоград. Retrieved 1 July 2016, from <http://31f.ru/dissertation/591-dissertaciya-parametry-kompleksnogo-analiza-semanticheskoy-kategorii.html>
- Коницкая, Е., & Ясюнайте, Б. (2009). Колесница Пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака). *Балто-славянские исследования*, 18, 504–527.
- Коницкая, Е., & Ясюнайте, Б. (2014). Антропоморфные метафоры ветра в литовской и русской поэзии. *Journal of Comparative Studies*, 4(33), 369–386.
- Москвин, В. П. (2012). *Русская метафора*. Москва: ЛКИ.
- Чудинов, А. П. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: УрГПУ.

Bibliography (transliteration)

- Anikin, V. P. (Ed.). (1998). *Russkie zagovory i zaklinaniia*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Basanavičius, J. (Ed.). (1993–1998). *Lietuviškos pasakos įvairios* [LB] (Vols. 1–4). Vilnius: Vaga.
- Chudinov, A. P. (2001). *Rossia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)*. Ekaterinburg: UrGPU.
- Gudavičius, A. (2009). *Etnolingvistika (Tauta kalboje)*. Šiauliai: ŠU leidykla.
- Gudavičius, A. (2014). Ištakos srities raiška metaforiniuose pasakymuose. *Filologija*, 19, 33–47.

- Jasiūnaitė, B., & Konickaja, J. (2004). „Atlėkė paukštis be sparnų“ (Atmosferos reiškinių frazeologijoje: sniegas). *Kalbotyra*, 52(1), 45–60.
- Kazlauskaitė, R. (2009). Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje. *Baltistica*, 44(2), 355–377.
- Konitskaia, E., & Jasiūnaitė, B. (2009). Kolesnitsa Piarkunasa (atmosfernye iavleniia v vyrazheniakh s perenosnym znacheniem: oblaka). *Balto-slavianskie issledovaniia*, 18, 504–527.
- Konitskaia, E., & Jasiūnaitė, B. (2014). Antropomorfnye metafory vetra v litovskoi i russkoi poezii. *Journal of Comparative Studies*, 4(33), 369–386.
- Krupas, J. et al. (Eds.). (1962). *Lietuvių kalbos žodynas* [LKŽ]. (Vol. VI). Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. [Online version (2005): www.lkz.lt].
- Marcinkevičienė, R. (1993). Apie įbūtinančią kalbos galią, pyktį ir dar šį tą. *Naujasis židinys*, 6, 51–56.
- Moskvin, V. P. (2012). *Russkaia metafora*. Moskva: LKI.
- Zaikina, O. N. (2004). *Parametry kompleksnogo analiza semanticheskoi kategorii (na primere sredstv oboznachenii sveta v russkom iazyke)*. (Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk). Volgograd. Retrieved 1 July 2026, from <http://31f.ru/dissertation/591-dissertaciya-parametry-kompleksnogo-analiza-semanticheskoi-kategorii.html>

Метафоры утренней и вечерней зари в литовской и русской поэзии

Резюме

В статье анализируются реализации некоторых базовых метафор зари в творчестве литовских и русских поэтов XX века. В первой части статьи анализируются метафоры, в реализации которых отмечены расхождения: биоморфная, зооморфная, антропоморфная метафоры, мифологическая метафора. В литовской поэзии заря часто ассоциируется с иными, нежели в русской поэзии, объектами (*земляника и вишня; птицы, рыбы и змеи* в литовской поэзии; *клюква, куманика, дыня, яблоки; животные и птицы* в русской поэзии; отсутствие в литовской антропоморфной метафоре образа *девушки, женщины*; полное расхождение мифологических образов). В реализациях метафор *ЗАРЯ – ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ; ЗАРЯ – ТКАНЬ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ ТКАНИ; ЗАРЯ – МЕТАЛЛ/ИЗДЕЛИЕ ИЗ МЕТАЛЛА* отмечаются сходства и значительные различия.

Во второй части статьи больше внимания уделяется сходству реализаций трех базовых метафор, в которых заря интерпретируется как: 1) огонь, пламя; 2) горящий объект; 3) жидкость. Анализируется около 200 поэтических фрагментов (95 литовских фрагментов 28 авторов и 105 русских фрагментов 30 авторов). В первой группе в обоих языках метафоризируются яркие цвета зари;

интенсивность; объект горения. Специфической для русской поэзии является метафоризация темных оттенков зари. Семантически близки к этой группе реализации метафоры ЗАРЯ – ГОРЯЩИЙ ОБЪЕКТ: зоря интерпретируется как *пожар, костер, священный огонь, горящие угли, фонарь, факел*. В русской поэзии чаще, чем в литовской, отмечен образ *жертвенного огня*. В обеих поэтических системах для развития базовой метафоры используются фольклорные образы. Общая метафора ЗАРЯ – ЖИДКОСТЬ в варианте ЗАРЯ – КРОВЬ в литовской поэзии связана с метафорой ЗАКАТ – СМЕРТЬ, в русской – с метафорой ЗАКАТ – РАНА. Метафора ЗАРЯ – СЛЕЗА одинаково редка. Совпадающая в языках метафора ЗАРЯ – ВОДА/ВОДОЕМ связана с более общей метафорой СВЕТ – ВОДА. В группе ЗАРЯ – ТЕХНИЧЕСКАЯ ЖИДКОСТЬ широко используется образ *красок* (в том числе косметических). В последней группе совпадает метафора ЗАРЯ – ВИНО; специфично для русской метафористики использование образов *рассола, рыбьего жира* и др.

Для литовской и русской поэзии характерны как специфические, так и общие метафоры утренней и вечерней зари, в реализации которых очевидны различия в частотности использования отдельных моделей и в их конкретном наполнении.

Ключевые слова: метафоры зари; литовская поэтическая традиция; русская поэтическая традиция; биоморфная метафора; зооморфная метафора; антропоморфная метафора; поэтическая метафора; языковая метафора

Metafory świtu w poezji litewskiej i rosyjskiej

Streszczenie

Artykuł analizuje realizację pewnych zasadniczych metafor świtu/zmierzchu w utworach dwudziestowiecznych poetów litewskich i rosyjskich. W pierwszej części artykułu omówiono istotne rozbieżności między metaforami biomorficznymi, zoomorficznymi, antropomorficznymi, jak też metaforami mitologicznymi. W poezji litewskiej świt/zmierzch kojarzy się z różnymi obiektami porównywanymi z poezją rosyjską (*dzikie truskawki i jagody, ptaki, ryby i węże* w poezji litewskiej; *żurawina, arbuzy i jabłka, ptaki i zwierzęta* w poezji rosyjskiej). W poezji litewskiej brak metafor antropomorficznych w odniesieniu do *dziewczyny* lub *kobiety*. Skojarzenia świt/zmierzch z hasłami mitycznymi są także całkowicie odmienne. W realizacji metafor ŚWIT/ZMIERZCH – KLEJNOTY, ŚWIT/ZMIERZCH – TKANINA/ ARTYKUŁ WYKONANY Z TKANINY,

ŚWIT/ZMIERZCH – METAL/ ARTYKUŁ WYKONANY Z METALU, odnotowane zostały zarówno podobieństwa, jak i znaczące różnice.

W drugiej części artykułu bliżej zbadane zostały podobieństwa w realizacji trzech podstawowych metafor, w których świt/zmierzch interpretowany jest jako: 1) ogień lub blask; 2) palący się przedmiot; 3) płyn.

Analiza obejmuje ok. 200 wyjątków z tekstów poetyckich: 95 pochodzi z wierszy 28 autorów litewskich, zaś 105 z utworów 30 rosyjskich autorów. W obu językach wyrażenia metaforyczne z pierwszej grupy uwypuklają jaskrawe barwy świtu/zmierzchu; intensywność; wrażenie płonącego obiektu. Metaforyzacja ciemnych odcieni świtu właściwa jest poezji rosyjskiej. Semantycznie bliskie tej grupie są metafory ŚWIT/ZMIERZCH – PALĄCY SIĘ OBIEKT. Świt/zmierzch interpretowany jest jako *ogień, fajerwerk, święty ogień, rozżarzony węgiel, lampion* lub *pochoдня*. Obraz ognia sakryfikowanego bardziej rozpowszechnił się w poezji rosyjskiej niż litewskiej. W obu systemach poetyckich wyobrażenia folklorystyczne służą do wywołania podstawowych metafor. Realizacja powszechnej metafory ŚWIT/ZMIERZCH – PŁYN jako ŚWIT/ZMIERZCH – KREW kojarzy się z metaforą ZMIERZCH – ŚMIERĆ w poezji litewskiej, podczas gdy w rosyjskiej – z metaforą ZMIERZCH – RANA. Metafora ŚWIT/ZMIERZCH – ŁZA jest także rzadka. W metaforze ŚWIT – WODA/ ZASOBNIK WODY nałożenie się na siebie obrazów i relacji z ogólniejszą metaforą ŚWIATŁO – WODA jest oczywiste w obu tych grupach. W grupie ŚWIT/ZMIERZCH – PŁYN CHEMICZNY obraz *farby* (łącznie z *kosmetykiem*) jest używany szeroko w obu poetyckich systemach. W tej ostatniej grupie można zauważyć nakładanie się na siebie z metaforą ŚWIT – WINO. Właściwe rosyjskiemu systemowi metafor jest użycie obrazów *pikle, olej z wątroby dorsza* itd.

Systemy poetyckie litewski i rosyjski cechują zarówno konkretne, jak i ogólne metafory świtu i zmierzchu. Te metafory zdradzają pewne różnice w częstotliwości używania różnych modeli, a zarazem ich szczególne treści.

Słowa kluczowe: metafory świtu; litewska tradycja poetycka; rosyjska tradycja poetycka; metafora biomorficzna; metafora zoomorficzna; metafora antropomorficzna; metafora poetycka; metafora językowa

Metaphors of Dawn in Lithuanian and Russian Poetry

Abstract

This article analyzes the realizations of certain basic metaphors of dawn/sunset in the works of twentieth-century Lithuanian and Russian poets. The first part of the article examines important discrepancies between biomorphic, zoomorphic and anthropomorphic metaphors, as well as mythological metaphors. In Lithuanian poetry, dawn/sunset is associated with different objects compared to Russian poetry (*wild strawberries and cherry, birds, fish and snakes* in Lithuanian poetry; *cranberries, melons and apples, birds and animals* in Russian poetry). There is a lack of anthropomorphic metaphors for *girl* or *woman* in Lithuanian poetry. The associations of dawn/sunset with mythic entities are also entirely different. In the realization of the metaphor of *DAWN/SUNSET – JEWELS*, *DAWN/SUNSET – FABRIC/ITEM MADE of FABRIC*, *DAWN/SUNSET – METAL/ITEM MADE of METAL*, both similarities and significant differences are registered.

The second part of the article examines more closely the similarities between the realizations of three basic metaphors, in which the dawn/sunset is interpreted as: 1) fire or blaze; 2) a burning object; 3) liquid.

The analyses embraces about 200 poetry texts excerpts: 95 excerpts from the poetry works by 28 Lithuanian authors and 105 excerpts from the works by 30 Russian authors. In both languages, the metaphoric expressions of the first group highlight the bright colors of dawn/sunset; intensity; impression of a burning object. The metaphorization of the dark hues of dawn is specific to the Russian poetry. Semantically close to this group are metaphors of the *DAWN/SUNSET – BURNING OBJECT*. Dawn/sunset is interpreted as *fire, bonfire, holy fire, burning coals, a lantern or torch*. The image of the sacrificial fire is more widespread in the Russian poetry than in Lithuanian. In both poetic systems, folkloric images are used to develop the basic metaphor. The realization of the common metaphor *DAWN/SUNSET – LIQUID* as *DAWN/SUNSET – BLOOD* is associated with the metaphor *SUNSET – DEATH* in the Lithuanian poetry, while in Russian poetry – with the metaphor *SUNSET – WOUND*. The metaphor *DAWN/SUNSET – TEAR* is equally rare. In the metaphor *DAWN – WATER/WATER RESERVOIR*, the overlap of the images and relation to the more general metaphor *LIGHT – WATER* is evident in the both groups. In the group *DAWN/SUNSET – CHEMICAL LIQUID*. The image of *paint* (including *cosmetics*) is widely used in the both poetical systems. In the latter group, one can notice the overlap of the metaphor *DAWN – WINE*. It is specific to the Russian metaphoric system the use of *pickle, cod-liver oil* images.

The Lithuanian and Russian poetic systems are characterized by both specific and common metaphors of dawn and dusk. These metaphors reveal some differences in the frequency of using various models, as well as in their particular content.

Keywords: metaphors of dawn; Lithuanian poetic tradition; Russian poetic tradition; biomorphic metaphor; zoomorphic metaphor; metaphor anthropomorphic; poetic metaphor; linguistic metaphor

Correspondence: Jelena Konickaja, Vilnius University, Vilnius, e-mail: jelkon@gmail.com; Birutė Jasiūnaitė, Vilnius University, Vilnius, Lithuania, e-mail: birute.jasiunaite@ff.vu.lt

Support of the work: This work was supported by a core funding of Vilnius University.

Authors' contribution: Both authors participated in elaborating research ideas and writing the manuscript.

Competing interests: JK – The author is a member of the Scientific Board of this journal; BJ – No competing interests have been declared.